

Аналитический
обзор
по Центральной
Азии

Выпуск 10

Июнь 2013

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

Евразия 2014: в разреженной атмосфере

Эрик Макглинчи

Эрик Макглинчи, ассоциированный профессор политических наук и управления в Университете Дж. Мейсона. Получил степень Ph.D. в Принстонском университете в 2003 г. Автор книги *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia* (сентябрь 2011, University of Pittsburgh Press).

Мнение, выраженное в данной статье, является точкой зрения автора и не представляет позицию Программы изучения Центральной Азии.

Наблюдая за динамикой отношений между государством и обществом в странах Центральной Азии, получаешь тревожное чувство, подобное тому, как наблюдаешь за альпинистом, карабкающимся на скалу. Всего несколько следующих движений могут решить конечный исход: прозаический, захватывающий или катастрофический. Опасность такого восхождения уже несколько раз демонстрировалась в Кыргызстане. Узбекистан и Казахстан по-прежнему находятся в начале пути, а Таджикистан – в самом разгаре подъема. С приближением ноябрьских президентских выборов, государство и общество в этой стране стремятся к противоположным целям, оттал-

Основные моменты:

Факторы, порождающие демократию, также порождают и насилие. Движущие силы реформ могут стимулировать и радикализм. Предсказуемая неопределенность это внезапный и неожиданный всплеск протеста и способность социального капитала приходить как к либеральным, так и нелиберальным результатам.

В этой новой среде еще предстоит развивать хороший анализ и хорошее планирование, а также теории и политики, которые, как некоторые надеются, должны быть объективными, но и достаточно гибкими, чтобы их можно было бы применить к этому евразийскому миру предсказуемой неопределенности.

киваясь от зыбкой и неизученной платформы недавней истории Таджикистана, включая гражданскую войну 1990-х годов.

Ученые, аналитики и политики должны определять факторы, толкающие вперед и тянущие назад политические и социальные изменения. Определение этих движущих сил дает понимание того, каким может быть потенциальный результат.

Однако, в реальности то, как происходит смена режима, с резким падением в пустоту и таким же захватывающим взмыванием из нее – совсем не является тем, что мы ожидаем. Факторы, порождающие демократию, порождают и насилие. Движущие силы реформ также могут стимулировать радикализм. Прогнозировать, каким будет конечный результат – трудно. Все, что мы можем, это только ожидать. Мы можем определить ключевые факторы и признаться в том, что они могут привести к противоположным социальным и политическим результатам.

Возьмем, к примеру, два определяющих социальных движения за последние двадцать лет: (1) возникновение Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в ходе гражданской войны в Таджикистане, а также (2) беспорядки в Хороге, Таджикистан в 2012 году. Оба эти движения были вызваны одним и тем же движущим фактором: консолидация и мобилизация социального капитала через общность исламской идентичности и норм. Несмотря на их общее происхождение, однако, эти движения последовали по расходящимся траекториям. ИДУ стала вооруженной и радикальной группировкой. А беспорядки в Хороге, хотя и были инициированы небольшой группой боевиков, привели в движение более устойчивую социальную мобилизацию с реформистскими целями и широкой народной поддержкой.

Понять, почему одни процессы приводят к противоположным результатам: радикализму или реформам, помогут понятия непостоянства социального капитала и внезапности социальной мобилизации. Политические активисты, оказавшиеся на

нужном месте и в нужное время, могут привести механизм «грубой силы уличного протеста» как к либеральному, так и нелиберальному результату. Ученых и политиков не должна смущать эта неопределенность. Как раз наоборот, понимая, как общие факторы производят расходящиеся результаты, мы можем найти прочную опору и производить анализ и давать рекомендации в более гибкой форме.

Данная статья состоит из двух частей. Сначала я изучаю непостоянство социального капитала и внезапность социальной мобилизации. Обе динамики опираются на том, что я называю «предсказуемой неопределенностью». Предсказуемая неопределенность является производением двух процессов: (1) способность политических активистов мобилизовать социальный капитал на либеральные и нелиберальные цели и (2) понимание того, что наступление социальной мобилизации часто приходит неожиданно даже для участников данной мобилизации, а также для тех, против кого массы мобилизуются.

Если бы не эта предсказуемая неопределенность, примеров социальной мобилизации, особенно в авторитарных условиях, было бы мало. Авторитар, знающий об опасностях антиправительственных народных выступлений, систематически бы устранял социальных активистов и пытался бы притушить взрывоопасную обстановку. Хотя авторитары и действительно подавляют протест, они также живут в мире политической неопределенности. Они не в состоянии идентифицировать всех противников режима и не понимают, какие именно политические условия могут привести к протесту. Просчет в этой ситуации открывает двери для протеста к большому удивлению обеих сторон: как авторитар, так и оппозиционеров.

Затем я применяю эту концепцию политической неопределенности, чтобы проиллюстрировать, как непостоянство социального капитала и внезапность социальной мобилизации повлияли на появление ИДУ в 1990-х и Хорогскую

мобилизацию 2012 года. Эти движения во многих отношениях зеркально противоположны друг другу. Первое началось как мирное реформистское движение, а затем стало вооружаться. Второе началось с воинственных демаршей, но затем вылилось в мирные выступления многих жителей Хорога. Оба движения имеют схожие движущие силы, но расходящиеся результаты. И оба движения, а также многочисленные подобные процессы, которые неизбежно последуют, можно продуктивно рассматривать через концепцию гибкого понимания ислама в Евразии, предлагаемой мной в данной статье.

Предсказуемая неопределенность

Работа Роберта Патнэма по гражданскому обществу и социальному капиталу трансформировала понимание демократии и демократизации у политологов¹. Патнэм показал, что формирование нужных институтов является недостаточным. Чтобы быть эффективными, демократические институты должны вовлекать общество, а заинтересованное общество, в свою очередь, является результатом высокой степени межличностного доверия. Любопытно, однако, что Патнэм утверждает, что то, что хорошо для демократических институтов, вероятно, справедливо и для других: социальный капитал облегчает не только либеральную политику, но и нелиберальную.

Шери Берман иллюстрирует эту реальность в своей работе по Веймарской Германии². В начале 1920-х немцы среднего класса стали отдаляться от платформ национальных партий, которых они воспринимали как «инструменты крупных капиталистов и защитников финансовых интересов»³. Вместо этого, как описывает Берман, средний класс обратился внутрь, к местным общественным организациям. Несколько позже, эти «прочные сети гражданского участия стали источником кадров для нацистов, производя активистов с навыками, необходимыми для распространения идеологии партии», а также именно эти сети обеспечили нацистам электоральный успех в начале 1930-х⁴.

Наблюдение Берман действует отрезвляюще: то самое, что Путман определяет как причину почему некоторые демократические институты работают лучше, чем другие, а именно высокий уровень гражданского участия, – привело к подъему фашизма в Германии. Клей, который связывает общество, в общем, может быть использован и в либеральных, и нелиберальных целях. Предсказуемая неопределенность.

Не менее безрадостным, как и дискуссия о том, как склеивается гражданское общество, является вопрос о том, *когда* мобилизуется гражданское общество. Здесь опять станет поучительным опыт Германии, хотя и полвека спустя. В 1989 году внезапный каскад протестов положил конец коммунизму в Восточной Германии. Эта внезапная волна протеста, как пишет политолог Тимур Куран, началась как казалось бы непоследовательные схватки между органами государственной власти и обычными гражданами⁵. Куран приводит, в частности, протест в Лейпциге в октябре 1989 года, который продолжался мирно, несмотря на приказ лидера коммунистов Восточной Германии, Эриха Хонеккера о силовом подавлении демонстрации. Куран утверждает, что отказ местных властей подавить протест вызвал каскад, в ходе которого обычные восточные немцы, теперь уже менее опасавшиеся насилия со стороны государства, вышли на улицы, чтобы высказать свое, так долго подавляемое недовольство.

События, расширяющие рамки протеста от небольших групп людей, такие как однократное проявление неспособности государства подавить инакомыслие, приход новых идеологический или религиозных убеждений, внезапное лишение автократа мощных внешних патронов, может привести к дестабилизирующим режим волнам протеста.

События, расширяющие рамки протеста с небольших групп людей, такие как однократное проявление неспособности

государства подавить инакомыслие, приход новых идеологических или религиозных убеждений, внезапное лишение автократа мощных внешних патронов, может привести к дестабилизирующим режим волнам протеста.

Важно то, что эта политическая неопределенность не уникальна для немецкой политики. Как свидетельствует следующая часть, анализирующая возникновение Исламского движения Узбекистана и Хорогских протестов, аналогичный процесс внезапной и неожиданной социальной мобилизации в равной степени имеет потенциал, чтобы изменить политическую ситуацию в Таджикистане.

Ислам и вооруженные и реформистские группировки в Таджикистане

Исламское движение Узбекистана

В сентябре 2000 года Государственный департамент США определил Исламское движение Узбекистана как иностранную террористическую организацию. Интересно, что вплоть до июня 2001 года, Государственный департамент не считал ИДУ реальной угрозой. К примеру, на заседании комитета на международных отношениях 6 июня 2001 года посол Клиффорд Бонд, на вопрос, что он думает об ИДУ, ответил:

«Мы не считаем, что исламский фундаментализм прямо сейчас является угрозой для государств Центральной Азии, скорее это политика правительств сейчас толкает молодых людей, в частности, из-за отсутствия экономических возможностей, в руки экстремистов. И это заявление мы должны сделать и продолжать подчеркивать в отношениях с лидерами стран Центральной Азии⁶».

Заявление Бонда хорошо отражает идею предсказуемой неопределенности, концепцию которой защищает данная работа. Бонд признает, что в Узбекистане наблюдается приток молодых людей в ряды ИДУ. Этот каскад застал врасплох Бонда, как и

многих из нас. Как я отмечал ранее, социальные и политические последствия часто наступают неожиданно. Мы не должны удивляться удивительному.

Внезапный всплеск поддержки ИДУ, вероятно, имеет свои корни в том, что в то время казалось непоследовательной цепью репрессий, например, исчезновение популярного имама Абидхона Назарова, лидера Тохтабойской мечети в Ташкенте, в 1998 году. Вскоре после исчезновения Назарова, пять бомб взорвались в Ташкенте. В организации теракта были обвинены лидеры ИДУ Тахир Юлдашев и Джума Намангани. Хотя они были приговорены к смерти, Юлдашев и Намангани находились высоко в горах Таджикистана, вне досягаемости узбекского закона.

И здесь появляются причины каскада, которого мало кто из нас ожидал. Казалось бы, непоследовательные события: исчезновение имама Назарова привело к осуществлению горсткой активистов теракта у здания узбекского правительства. То, что эти боевики избежали наказания, придавало смелость другим, которые в других условиях остались бы на обочине, и они присоединились к ИДУ. Так, вкратце, расширение рамок протеста с нескольких пострадавших вызвало каскад или, по словам Бонда, «привело молодежь в ИДУ». Предсказуемая неопределенность.

Действительно, истоки ИДУ заключались не в исламистской воинственности, а скорее, в его способности как института помочь там, где государство не может. Так же, как социальный капитал помог привести общественную организацию, Адолат, к успеху в 1991 году, так и социальный капитал смог поддержать воинствующее Исламское движение Узбекистана - парадоксальным образом в Таджикистане - во время и после гражданской войны в Таджикистане.

Но почему молодежь обратилась в ИДУ, а не другие возможные организации? И здесь

слова посла Бонда являются поучительными: молодежь обратилась в ИДУ из-за «отсутствия экономических возможностей». ИДУ была не просто боевой группировкой, а институтом, способным предоставить ресурсы и помочь избежать нищеты.

Действительно, истоки ИДУ заключались не в исламистской воинственности, а скорее, в его способности как института помочь там, где государство не может. ИДУ началось в 1991 году в Намангане, узбекском городе в сорока милях от границы с Таджикистаном. В то время, лидеры ИДУ, Тахир Юлдашев и Джума Намангани, называли свое движение другим именем, «Адолат» или «справедливость», и так они хотели отличить свое движение, как обеспечивающее законность и порядок в городе, где, в последние дни Советского Союза закон и порядок практически исчез.

Юлдашев и Намангани были невероятно успешными. Одной из их целей было перевести управление городом из штаб-квартиры Коммунистической партии в центр Исламской общины. Юлдашев и Намангани заручились поддержкой мусульманской общины города вокруг этого дела, что привело в отдельных случаях к сбору свыше 20 000 людей на улицах города Намангана. Так, Юлдашев и Намангани были непревзойденными гражданскими активистами, они принялись формировать гражданское общество на общности религиозных норм и превратили институт исламского центра в убежище, где жители города могли противостоять экономическому и политическому хаосу, сопутствовавшему распаду Советского Союза.

Так что же случилось? Почему Адолат превратился в Исламское движение Узбекистана? Президент Узбекистана Ислам Каримов закрыл Исламский центр в Намангане через четыре месяца после его открытия и Юлдашев и Намангани бежали в Таджикистан, где стали воевать на стороне Партии исламского возрождения Таджикистана в ходе Гражданской войны в 1992-97 годах. Юлдашев и Намангани, однако, не оставили свою деятельность гражданских

активистов. Так же, как социальный капитал помог привести общественную организацию, Адолат, к успеху в 1991 году, так и социальный капитал смог поддержать воинствующее Исламское движение Узбекистана - парадоксальным образом в Таджикистане - во время и после гражданской войны в Таджикистане. И здесь у нас есть другая составляющая предсказуемой неопределенности: тот факт, что политические активисты могут мобилизовать социальный капитал как в либеральных, так и нелиберальных целях.

Ситуация с ИДУ может помочь в понимании крупнейшей оппозиционной группы Таджикистана, Исламской партии возрождения. И таджики, и внешние наблюдатели пытаются понять, что собой являет эта партия. Является ли она в значительной степени светской организацией, как ее представляет лидер Мухиддин Кабири? Или это исламистская партия, как ее представляют рядовые члены партии? Ответ: и то, и другое. Партия Исламского возрождения, как реформистская Адолат и позже воинствующее ИДУ, имеет прочный и глубокий социальный капитал. Этот социальный капитал, в зависимости того, как будет использован, может достичь и реформистских, и радикальных целей. Предсказуемая неопределенность.

Хорогские протесты 2012 года

В отличие от случая ИДУ, общественного движения, которое началось мирно, но закончилось насилием, Хорогские протесты 2012 года являются примером движения, начавшегося с насилия, но завершившегося мирной акцией протеста.

21 июля 2012 года, в городе Хороге, в Горно-Бадахшанской автономной области, расположенной в восточном Таджикистана, был убит генерал Абдулло Назаров. Назаров был главой регионального отделения национального комитета по безопасности при президенте Рахмоне в Горно-Бадахшанской области. Предполагаемые убийцы Назарова являются родственниками Толиба

Айембекова, боевика из Бадахшана, воевавшего в рядах Объединенной таджикской оппозиции во время гражданской войны. Айембеков также был заместителем генерала и эту должность получил в результате соглашения между оппозицией и правительством в рамках мирных соглашений 1997 года.

В попытке захватить Айембекова и его родственников, центральное правительство отправило 3000 военнослужащих в Хорог. Местные боевики окружили силы таджикского правительства. В ходе боевых действий, предположительно, погибло семнадцать солдат правительственных войск и тридцать боевиков. Столкновение между правительством и боевиками не привели к результату; Айембеков остался на свободе и правительственные войска, хотя и отступили в свои казармы, оставили город под повышенным наблюдением.

Что интересно в Хорогских событиях 2012 года, если вы спросите жителей города сегодня о том, что случилось в июле прошлого года, не все признают, что это был фактически силовой конфликт. Вместо этого жители Хорога подчеркивают мирный характер этого внезапного каскада и то, что этот мирный протест, в конечном счете, вынудил правительство дать приказ отступлению. Наутро второго дня конфликта несколько десятков женщин собрались в центре города в знак протеста против того, что правительство предприняло непропорциональный ответ на убийство генерала Назарова. Присутствие этих женщин на улицах, в свою очередь, ободрило тех, кто укрывался в своих домах, чтобы выйти на улицу. Вскоре сотни жителей города вышли на улицы и потребовали остановить насилие⁷.

Населения в Хороге являются памирцами, а не этническими таджиками. Памирцы исповедуют исмаилитскую ветвь шиитского ислама, тогда как большинство таджиков являются суннитами. И многое из жизни в Хороге концентрируется на проектах, предприятиях и общественных организациях, прямо или косвенно финансируемых Фондом

Ага Хана, гуманитарной организации по развитию и помощи, основанной Ага Ханом, духовным лидером мусульман-исмаилитов. Хорог, короче говоря, это общество, в котором общая вера исмаилитов и солидная благотворительная организация, сфокусированная на этой общей идентичности, привели к высокому уровню развития социального капитала. Этот социальный капитал в июле 2012 года был использован для воинствующих и мирных целей. Хорог – это еще один пример внезапного каскада мобилизации и использования социального капитала как в либеральных, так и нелиберальных целях. Предсказуемая неопределенность.

Что интересно в Хорогских событиях 2012 года, если сегодня вы спросите жителей города о том, что случилось в июле прошлого года, не все признают, что это был фактически силовой конфликт. Вместо этого жители Хорога подчеркивают мирный характер этого внезапного каскада и то, что этот мирный протест, в конечном счете, вынудил правительство дать приказ отступлению.

Заключение

Гражданское общество стало источником быстрого роста мирного движения Адолат, а также позже, воинствующего ИДУ. И гражданское общество спровоцировало как воинствующие, так и мирные антиправительственные протесты в Хороге, ГБАО Таджикистана, в 2012 году. Как рассматривать эти расходящиеся результаты радикализма и попыток реформ, это непостоянство социального капитала и внезапность социальной мобилизации? Каким должен быть подход США к исламу в Евразии в 2014 году?

В этой аналитической статье я уже подчеркивал подход предсказуемой неопределенности – удивительная внезапность протеста и возможность социального капитала для производства и

либеральных, и нелиберальных результатов. Я делаю упор на предсказуемой неопределенности, потому что этим не особенно занимается наука и власть. Академические исследования с неопределенными результатами не публикуются. Проекты развития и рекомендации по политике, признающие, что гражданское общество может продвигать радикальные движения в той же мере, как и реформистские, вряд ли будут профинансированы. Такая неопределенность не в нашей культуре.

Но мы должны изменить эту культуру. Теперь с приближением 2014 года мы вступаем в разреженную атмосферу. В этой новой среде мы должны еще более ясно понимать, что результаты могут быть непредсказуемыми. Это не означает, что мы, как социологи, отказываемся от научного анализа или мы, как политики, отказываемся от принятия соответствующих мер. Скорее всего, мы должны понимать, что процессы, имеющие сходные причины, производят разные результаты, и мы должны ожидать эти разные результаты. В этой новой среде еще предстоит развивать хороший анализ и хорошее планирование, а также теории и политики, которые, как некоторые надеются, должны быть объективными, но и достаточно гибкими, чтобы их можно было бы применить к этому евразийскому миру предсказуемой неопределенности.

¹ Robert D. Putnam, *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* (Princeton: Princeton University Press, 1993).

² Sheri Berman, "Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic," *World Politics* 49, no. 3 (1997): 401–429.

³ Ibid, 416.

⁴ Ibid., 420.

⁵ Timur Kuran, "Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989," *World Politics* 44, no. 1 (1991): 7–48.

⁶ Представитель США Бенджамин Гилман (R-NY) выступает на слушаниях по внешней политике США в Центральной Азии (Протоколы заседания FDCH, 6 июня 2001).

⁷ Интервью автора, Хорог, ГБАО, 7-15 мая 2013 г.

Программа изучения Центральной Азии является независимым проектом, направленным на развитие научной и аналитической работы по изучению современной Центральной Азии. Программа также предоставляет площадку для дискуссий, объединяющую политические, научные, дипломатические и деловые круги. Исследовательская деятельность Программы включает четыре главных направления: безопасность, развитие, строительство государства и региональную политику. Программа придерживается междисциплинарного подхода, сочетающего политологию, социологию, социальную антропологию, экономику, историю, изучение глобализации и безопасности. Она нацелена вовлечь коллег из США, Европы, России, Азии и Центральной Азии в совместную работу, продвигая различные формы взаимодействия и совместные проекты.

См. www.centralasiaprogram.org

© Central Asia Program 2012